

В ОЕННЫЕ
М ЕМУАРЫ

1854
1855

М.Д. Лихутин

РУССКИЕ В АЗИАТСКОЙ ТУРЦИИ

в 1854 и 1855 годах

Военные мемуары (Вече)

Михаил Лихутин

**Русские в Азиатской Турции в 1854
и 1855 годах. Из записок о военных
действиях Эриванского отряда**

«ВЕЧЕ»

1863

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

Лихутин М. Д.

Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. Из записок
о военных действиях Эриванского отряда / М. Д. Лихутин —
«ВЕЧЕ», 1863 — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-5959-7

Михаил Доримедонтович Лихутин — генерал-майор русской армии, участник Кавказской и Крымской войн, а также Венгерского похода 1849 г. В своих мемуарах он ярко и красочно описывает малоизвестные события Крымской войны — боевые действия в Закавказье, в которых он принимал участие в качестве начальника штаба Эриванского отряда генерала К. К. Врангеля. Их блистательным итогом стало взятие сильнейшей турецкой крепости Карс, что позволило вернуть в обмен на нее занятый союзниками Севастополь. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-4484-5959-7

© Лихутин М. Д., 1863
© ВЕЧЕ, 1863

Содержание

I. Вторжение турок в Эриванскую губернию в 1853 году	6
II. 1854 год. Аракс. – Агри-Даг. – Пути в Турцию	12
III. Первая встреча и перестрелка с турками в 1854 году	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Лихутин
Русские в Азиатской Турции в 1854
и 1855 годах. Из записок о военных
действиях Эриванского отряда

© ООО «Издательство «Вече», 2026

* * *

I. Вторжение турок в Эриванскую губернию в 1853 году

Неприятельские действия в Азиатской Турции в конце 1853 года были начаты турками. Толпы башибузуков, состоявшие преимущественно из курдов, вторглись в наши пределы; между прочим, напали на донских казаков, расположенных кордоном в Эриванском уезде вдоль границы Турции, сняли несколько постов и разграбили несколько селений. Соседство Курдистана доставляет туркам возможность собрать скоро ополчение из курдов, постоянно вооруженных и готовых на хищничество. В этом состоит преимущество их перед нами, которое всегда останется за ними, потому что мы не можем усвоить способ войны расхищения пограничных турецких областей и грабежа турецких подданных, которых мы, напротив, всегда покровительствуем; преимущество очень вредное, показывающее вперед, с самого начала войны, все превосходство нашего владычества в здешних местах перед турецким; они вносят к нам разорение и истребление; мы приносим в их области порядок. Но открытие ими военных действий прежде нас, во всяком случае, для нас вредно первыми своими последствиями.

В Эриванском уезде находились только линейный батальон, расположенный в городе и крепости Эривани, и донской полк, содержавший таможенный кордон. О неприятеле не имели никаких сведений; не знали ни сил, ни намерений его. Вторжение башибузуков и грабеж пограничных селений навели ужас на армян, которые прежде всех подвергались хищничеству мусульман, и произвели слух, что турецкие войска, в том числе регулярные, перешли границу в значительных силах и идут на Эривань, которая была совершенно открыта. Смятение распространилось и в этом городе. Линейный батальон и все начальства перешли в крепость; туда же перевезли казенные имущества и приняли некоторые меры к обороне. Хотя турок еще не видели даже на правом берегу Аракса, но прежде всего явилось опасение волнений между мусульманским населением города и всего края, и в крепость спасались преимущественно от этого. Русские жители Эривани не могли забыть этого тревожного времени еще в конце 1854 года, когда опасность миновала.

Эриванская губерния населена армянами григорианского исповедания; коренными, самыми древними жителями этих мест, и мусульманами разных племен и сект, персиянами, татарами и курдами, пришедшими сюда впоследствии в разные времена как завоеватели и основавшимися на развалинах древнего Армянского царства. Христиане, т. е. армяне, и мусульмане живут преимущественно отдельными селениями и редко в одном селении вместе. Нет больших пространств, заселенных одними христианами или одними мусульманами, а везде селения тех и других перемешаны и находятся в соседстве друг с другом. Мусульмане прежде пользовались всеми преимуществами над покоренными христианами; с присоединением же этого края к России положение их изменилось. Хотя они не потеряли ни имущества, ни гражданских прав, но одно уравнивание их с христианами было уже обидно, особенно для высших сословий, привыкших находиться во главе местного управления; на деле же положение их выходило еще неприятнее. Армяне скоро пристали к русским; выучились русскому языку; воспитываются в русских школах и поступают в русскую службу, в которой они по правам своего образования тотчас пользуются всеми преимуществами, присвоенными высшему сословию. Большая часть чиновников Эриванской губернии была из армян. Самолюбие мусульман страдало от необходимости быть в подчинении и кланяться тем, с кем они обращались прежде как с рабами. Они охотно и безропотно подчинялись русским как победителям и завоевателям, — достоинства, перед которыми самолюбие молчит и против которых нет спора на Востоке, — по крайней мере в Турции и Персии, где масса народа привыкла к переменам властителей; но власть армян была еще для многих оскорбительна. Без сомнения, надо допустить и то, что чиновник армянин не мог в короткое время освободиться от чувств неприязни и даже мщениия своего народа к своим прежним притеснителям, и эти чувства могли невольно выражаться в

новом его положении, при исполнении им на месте правительственных обязанностей своего нового звания – русского чиновника; надо допустить, что в некоторых случаях он был страстен в пользу своего брата армянина и во вред мусульманина и что по его тайному убеждению или по чувствам это было справедливо и законно. Армяне вытерпели столько притеснений, понесли столько потерь, что им трудно воздержаться от желания заплатить за прошедшее и вознаградить его какими бы то ни было средствами; положение дел пока неизбежное и по самому положению края, т. е. населяющих его племен, и по недостатку русских чиновников. Понятно, что многие мусульмане были рады начавшейся войне, которая давала им надежду на переворот опять в их пользу, и сочувствовали единоверцам своим, туркам, хотя многие были другой секты. При разгаре новых надежд и старой неприязни неудовольствие могло между мусульманами Эривани выразиться смелее, хотя одними словами. В начале войны обыкновенно надежды и планы враждующих сторон бывают очень велики: мы мечтали о Константинополе и Иерусалиме, турки о Москве или по меньшей мере о Тифлисе и Астрахани. Большие намерения одной стороны часто пугают другую сторону, хотя от намерений до исполнения еще далеко. Понятно также, что небольшая колония русских, находившихся в Эривани, окруженная мусульманами, была напугана первыми действиями турок и грозными слухами, которые приходили со всех сторон о их силе и намерениях. Войска наши, назначенные в состав сформировавшегося здесь Эриванского отряда, спешившие по частям к Эривани усиленными переходами, входили в эту сферу страха и преувеличенных слухов о турках.

Читая переписку и слушая рассказы того времени, везде видишь излишнее уважение к неприятелю. Турок считали многочисленнее, предприимчивее, храбрее и благоустроеннее, чем они были в самом деле. Будто существовало тайное убеждение, что они опередили нас и что паши их сделались превосходными. Мнение о благоустройстве турецкого войска и нападение их первыми должны были иметь влияние на наш образ действий против неприятеля, и потому мы видим, что даже после случившихся побед действия наши были осторожны. Первое впечатление всегда сильно, и едва ли оно не оставило своего влияния не только на действия 1853 года, но и на последующие. Первый бой должны были бы рассеять понятия, основанные только на незнании неприятеля и нечаянности нападения, и показать, что положение наше в сущности не переменилось; что турки, по меньшей мере, остались такими же, какими были прежде, и что не одна выучка солдат составляет войско.

В октябре 1853 года в состав Эриванского отряда собралось четыре батальона пехоты, батарея, донской полк и несколько сот конной милиции, собранной из жителей Эриванской губернии, мусульман и армян. Последствия показали, что для этого отряда наступательные действия были возможны и могли увенчаться успехом. Во всяком случае, они были необходимы, чтобы в самом начале войны попробовать разъяснить свое положение и расстроить намерения неприятеля, которые также не могли быть еще точны, – даже для того чтобы хотя посмотреть на турок, которых пока еще не видели, а только слышали о них. Одна оборона, даже одно ожидание появления неприятеля отнимали всякую возможность сносного положения и определенной цели, заставляли приравнивать свои действия к воображаемым действиям неприятеля и основывать их на нелепых слухах, казавшихся возможными в общей тревоге. Жители и милиционеры беспрестанно сообщали сведения о появлении турок в разных местах, о движении их по разным направлениям, и отряд должен был делать бесполезные переходы для встречи неприятеля, которого не было. Ложные слухи и ложные сведения распространялись и сообщались часто с намерением: армянами, боявшимися грабежей башибузуков и курдов, – для того чтобы привлечь к своей стороне наши войска; мусульманами, опасавшимися истребления своих полей, – чтобы отвлечь нас в противную сторону; и нашими милиционерами, чтобы предупредить возможность встречи нашей с турками.

В октябре же месяце турецкий отряд, в составе четырех батальонов, шести орудий и до двух тысяч башибузуков и курдов, перешел в наши пределы по дороге от Баязета на Оргов-

ский пост и двигался к с. Игдырю. Расположенные в этом селении наши казаки и милиционеры отступили с перестрелкой, преследуемые башибузуками, на помощь казакам выдвинулся батальон пехоты с двумя орудиями, которые сделали несколько выстрелов, – и остановился в ожидании прибытия остальных сил отряда, спешивших от Эчмиадзина за Аракс на встречу неприятелю. Оба отряда были равносильны, можно было надеяться, что в решительном бою турки будут разбиты; их можно было бы совершенно рассеять и овладеть их артиллерией и обозами, потому что они перешли хребет Агри-Даг, отделяющий здесь Россию от Турции, и отступление их было бы трудно. К сожалению, получали уведомление – один из бесчисленных ложных слухов, повторявшихся уже прежде, – что 20 тысяч неприятеля идет с другой стороны, от Арпачая на Сардар-Абад и Эчмиадзин, и потому сделано было распоряжение перейти на эту дорогу и, следовательно, отступить от Игдыра. Все войска нашего отряда переправились ночью обратно на левый берег Аракса и сосредоточились к Эчмиадзину; с последними частями перешли, кто успел, с правой стороны Аракса на левую, несколько десятков или сотня армянских семейств.

Можно было ожидать, что турки станут продолжать свое наступление и даже преследовать нас, но вышло наоборот. Панический страх овладел ими. Напуганные какими-то слухами и опасаясь, вероятно, нашего нападения, – в ту же самую ночь, когда войска Эриванского отряда отступили с правой стороны Аракса на левую, к Эчмиадзину, турки отступили в величайшем беспорядке от Игдыра в горы, к Орговскому посту. По показанию жителей-очевидцев, ночное отступление их было совершенное бегство; в суматохе три орудия их завязли в канаве, были брошены, пролежали здесь несколько дней и были привезены к Орговскому посту курдами на волах, собранных у жителей, тогда только турки убедились, что русских нет на правой стороне Аракса. У Орговского поста отряд их простоял более полумесяца, и отсюда шайки башибузуков разъезжали свободно по всему Сурмалинскому участку, лежащему на правой стороне Аракса, между этой рекой и турецкой границей. Около того же времени небольшая партия курдов, собравшаяся в турецком городе Кагызмане, напала на с. Кульпы, где находятся соляные копи и хорошие казенные здания и магазины, разграбила и разорила все и увезла заготовленную соль. Весь край на правой стороне Аракса был предан расхищению, беспорядки распространились, старинная ненависть, или, вернее сказать, презрение мусульман к христианам и новая нелюбовь к чиновникам армянам, пали на армян-хлебопашцев. Многие из наших татар и курдов соединились с турецкими башибузуками и вместе с ними грабили армянские селения, угоняли скот, убивали жителей и оскорбляли женщин, не успевших уйти с нашими войсками на левую сторону Аракса. С наступлением холодов, в ноябре, турецкий отряд ушел обратно в Баязетский санджак. Вместе с ним ушли в Турцию многие мусульмане Эриванской губернии, замешанные в грабежах и убийствах, и вступили в турецкую службу; число их, служивших в одном турецком Баязетском отряде, простиралось в начале 1854 года до 300 человек. Горы, отделяющие Эриванскую губернию от Турции, покрываются зимой глубоким снегом и делаются иногда трудно проходимыми даже для всадников и пешеходов. Неприязненные действия прекратились по необходимости. С уходом турок часть войск Эриванского отряда перешла опять на правую сторону Аракса в Сурмалинский участок, опустошенный неприятелем, и отряд этот, увеличившийся еще одним батальоном, расположился на зимовых квартирах: на правой стороне Аракса, 5-й батальон Тифлисского егерского полка в селении Кульпах, 1-й батальон Мингрельского егерского полка в д. Араб-Керлю и 5-й батальон того же полка в с. Амарате; при каждом батальоне находилось по два орудия легкой № 7 батареи 21-й артиллерийской бригады, Донской № 23 полк стал по сотням в с. Игдыре и других, лежащих между расположением пехоты; на левой стороне Аракса остались в Эчмиадзине и лежащем возле него с. Вагаршапате 1-й и 2-й батальоны Ширванского пехотного полка и при них два орудия той же батареи. Зима прошла спокойно.

В продолжение зимы и весны 1854 года обстоятельства и взаимное положение наше и неприятеля немного разъяснились. Победа, одержанная над турками при Баш-Кадык-Ляре и сведения, собранные о размещении турецких сил, указывали, что ближайший и единственный враг Эриванского отряда был турецкий Баязетский отряд, расположенный близ Баязета на дорогах, идущих от этого города к Эривани, что можно было не опасаться движения значительных войск неприятеля мимо главного нашего Александропольского отряда, от Карса и Кагызмана чрез Арпачай на Сардар-Абад и Эчмиадзин к Эривани, о чем ложные слухи так часто тревожили Эриванский отряд в 1853 году, и что подобное движение турок, особенно регулярных войск, было почти невозможно в этом направлении, где вовсе не существует хороших дорог, и во всяком случае опасно более для них, чем для нас. Следовательно, теперь все предположения будущих действий Эриванского отряда могли быть безошибочно рассчитываемы относительно турецкого Баязетского отряда. Положение сделалось более определительно и точно, но вместе с тем, по-видимому, и судя по действиям 1853 г., более затруднительно для нас, потому что все материальные преимущества турок на этом театре войны постоянно увеличивались и перед открытием кампании 1854 года были положительно на стороне их.

Весной 1854 года начальником Эриванского отряда был назначен генерал-лейтенант барон фон Врангель. Отряд этот входил в состав корпуса, действовавшего против турок в Азии под начальством генерал-лейтенанта князя Бебутова, который командовал лично главной частью корпуса, Александропольским отрядом. Против Александропольского отряда стояла турецкая Анатолийская армия, опираясь на Карс. Важнейшие действия и главные вопросы войны должны были решиться на пространстве между Александрополем и Карсом. Эриванский отряд, составляя левый фланг действующего корпуса и находясь в 100 верстах от Александропольского отряда и главного театра войны, не мог принять прямого участия в главных действиях и даже иметь на них влияние; назначение его состояло только в охранении Эриванской губернии. Не было, по-видимому, никакой опасности оставить его в оборонительном положении и бездействии, — а потому, вероятно, признали возможным не увеличивать его регулярными войсками, хотя генерал-лейтенант барон фон Врангель, принимая в соображение возможность наступления турок в превосходном числе, неоднократно просил о присылке подкреплений. Отряд увеличили только в апреле 1854 года конно-мусульманским № 4 полком, сформированным из местных жителей и состоявшим из трех сотен мусульман и двух сотен армян, и в половине мая дивизионом легких орудий батареей № 5 батареи 21-й артиллерийской бригады и двумя сотнями бекской дружины, сформированной из беков, т. е. дворян Эриванской губернии. Таким образом, перед открытием кампании 1854 года Эриванский отряд состоял из поименованных выше пяти батальонов пехоты, из которых в двух находилось по три, а в трех по четыре роты, всего 18 рот, 12 орудий, шести сотен Донского казачьего полка и семи сотен местной милиции, всего около 3½ тысячи человек.

Пехота и артиллерия отряда принадлежали к лучшим кавказским войскам, были уже испытаны в военных трудах, обстреляны и надежны для боя. Донской казачий № 23 полк полковника Хрещатицкого 2-го, не участвовал в действиях против горцев; стычки с турками были первые опыты его военного поприща, но был хорош в хозяйственном отношении: люди исправны, лошади сыты и надежны. В конно-мусульманский № 4 полк всадники были наняты на шесть месяцев на счет жителей Эриванской губернии, наемную плату выдали им вперед собственно для заведения коня и оружия; в бекскую дружину беки поступали по охоте или по наряду, без платы на заведение коня и оружия; и те и другие в продолжение своей службы получали от казны жалованье и деньги на говядину, муку и фураж. Содержание их обходилось дорого, но могу сказать вперед на основании последующих опытов, что польза от них невелика. Здешние жители мусульмане и армяне не отличаются воинственностью, и кроме того трудно было водворить порядок и дисциплину между людьми, собранными прямо на войну от сохи, без предварительного обучения, и нанятыми только на шесть месяцев. Большая часть всад-

ников конно-мусульманского полка, в продолжение шестимесячной службы своей в отряде, поодиночке оставляли ряды и уезжали домой, проживая там сколько им казалось надобным, иногда возвращались к полку добровольно, а чаще высылались как бежавшие, по сношению военного начальства с местным начальством Эриванской губернии. Если бы с милиционерами поступать по всей строгости наших законов, то пришлось бы расстрелять поодиночке целый полк, и после первого примера, без сомнения, не нашлось бы ни одного охотника поступить опять на службу: русское начальство по необходимости смотрело на отлучки их снисходительно и ограничивалось только арестом виновных. В содержании аванпостов эти милиционеры ненадежны, отряд не может довериться им и спать спокойно; если их поставить на посту одних, то можно быть уверенным, что они уедут ночью спать куда-нибудь в безопасное место. Для атаки они совершенно негодны, при малейшей неудаче они рассеются и разойдутся по домам; при разбитии неприятеля они займутся грабежом и обиранием убитых и раненых, своих и чужих. Говорили, что польза милиции, временная и случайная, заключается в том, что при сомнительных обстоятельствах в нее отвлекают из народонаселения беспокойных людей, приучают жителей к русской службе и делают их воинственнее. Первая причина едва ли действительна, по крайней мере в Эриванской губернии, потому что 700 человек, взятых из всего народонаселения губернии, ослабляют очень мало число беспокойных и опасных людей, тем более что на службу высылают самых бедных, смиренных и не имеющих в крае никакого влияния, а вторая может быть более ошибка, чем польза. Единственная польза милиции в азиатской войне может состоять в том, что она увеличивает видимую численность войска; выгода двусмысленная, полезная только при нерешительных действиях с обеих сторон, потому что для неприятеля воинственного и счастливого она умножит славу победы над многочисленной толпой, точно так же как одним бесполезным своим присутствием она отнимет у небольшого числа наших батальонов славу поражения неприятеля в десять раз сильнее. Впрочем, продолжительные действия вместе с русскими войсками, частые встречи с неприятелем, успехи и надежда добычи могут сделать милиционеров мало-помалу более воинственными. Нет сомнения, что дисциплина и регулярное устройство были бы полезны и для них, как для всех и везде, и что сформированные из них батальоны были бы не хуже батальонов сипаев.

Не знаю, какой план действий имели турки, но судя по распоряжениям их, надо полагать, что они придавали бо́льшую, чем мы, важность своим действиям и своему твердому положению близ границ Персии. Из сведений, получавшихся чрез лазутчиков и другими путями, видно было, что Баязетский отряд в продолжение зимы и весны постоянно увеличивался регулярными войсками и башибузуками, и потому я буду называть его корпусом. По наиболее верным показаниям, численность его простиралась к маю месяцу 1854 года до 16 тысяч человек, в том числе 9 тысяч пехоты и 7 тысяч кавалерии; молва увеличивала число это до 30 тысяч, и к ним ожидали еще прибытия нескольких тысяч человек из г. Вана. Без сомнения, беспорядки, которые произвели бы успехи турок между мусульманским населением Эриванской губернии и всего края до Каспийского моря, значительно увеличили бы для нас затруднения войны и могли иметь влияние на положение Персии. Известно было, что турки распространяли в Эриванской губернии в 1853 году воззвания, которыми призывали мусульман к восстанию и возбуждали их религиозный фанатизм и ненависть к христианам. Вторжение их осенью 1853 года показало, что беспорядки могли распространяться в наших закавказских областях между народонаселением, состоящим из разных племен, находящихся между собой постоянно во враждебных отношениях, частью кочевых, полудиких и любящих беспорядки без всяких политических расчетов, по одной любви к грабежу и добыче. От каких бы причин ни произошли волнения в Эриванской губернии и как бы они ни были ничтожны, но они могли способствовать в некоторой степени успехам турок, а тем более могли внушить им надежды на успех. К тому же близ Баязета проходит большая караванная торговая дорога, по которой провозят из Трапезонта в Тавриз и далее в центральную Азию бесчисленное количество европейских,

преимущественно английских, произведений. Для англичан охранение и безопасное положение этого пути было, может быть, важнее, чем самые успехи турок в Эриванской губернии, и, может быть, Баязетский корпус не имел другого назначения.

В апреле снег на горах, отделяющих Эриванскую губернию от Турции, растаял, горы сделались проходимы, в мае месяце был уже подножный корм, военные действия становились возможны. Ввиду возможности наступления Баязетского корпуса прежде всего представлялся вопрос о невыгоде разобщенного положения Эриванского отряда на обоих берегах Аракса, который в апреле и мае месяцах сильно разливается, и сообщение чрез него делается возможно только паромами. В апреле 1854 года переправа производилась только одним паромом у с. Амарата; быстрота течения реки часто портила ее. Сообщение могло вовсе прекратиться, и потому генерал-лейтенант барон фон Врангель, донося 12 мая командующему действующим корпусом, что в Баязетском корпусе находится 9 тысяч пехоты и 7 тысяч кавалерии, и ожидают прибытия еще 12 тысяч из г. Вана, присовокуплял, что, вероятно, обстоятельства заставят его, до убыли воды в Араксе, держать весь отряд сосредоточенным на левой стороне реки, чтобы не быть отрезанным от продовольственных средств и пути своего отступления. Вместе с тем он просил сообщить план военных действий в предстоящую кампанию 1854 года. На представления эти генерал-лейтенант князь Бебутов отвечал, что по общему плану весенней кампании Эриванский отряд должен находиться на первое время в положении наблюдательном, иметь в виду только охранение занимаемого им края и не переходить границу, пока не последует приказание перейти в наступательные действия. На основании этого надо было охранять и правую сторону Аракса, т. е. Сурмалинский участок, самый плодородный и населенный из всех частей Эриванской губернии, но подверженный ближайшему нападению неприятеля и уже потерпевший осенью 1853 года от грабежей башибузуков и курдов, почему генерал барон фон Врангель сделал распоряжение к сосредоточению всего отряда на правой стороне Аракса, тем более что к половине мая можно было ожидать открытия на нем бродов и восстановления безопасного сообщения. Обстоятельства заставили ускорить сближение между собой частей войск. Около 1 мая лазутчики сообщили, что до 400 человек турецкой конницы подошли к нашей границе и расположились в 5 верстах от нее близ куртинской деревни Карабулаха, на прямой дороге от Баязета к Эривани, что к Карабулаху ожидают прибытия трех тысяч пехоты и что турки имеют намерение вторгнуться в наши пределы. Казачий разъезд, ходивший 2 мая до границы, действительно видел с гор турецкую кавалерию, но не в большом числе. 5-й батальон Тифлисского полка, с орудиями и казаками, тотчас был переведен из Кульп ближе к батальонам, стоявшим у Амарата, и расположен лагерем в 7 верстах от него у д. Ахмамета, а 1-й и 2-й батальоны Ширванского пехотного полка с артиллерией и милиция направлены из Эчмиадзина в самый Амарат. В это время Аракс находился еще в сильном разливе, канат оборвался и паром снесло. Пока принимали меры к восстановлению переправы, сучили канат, починяли паром, батальоны Ширванского полка расположились лагерем на левом берегу реки, против и в виду Амарата.

II. 1854 год. Аракс. – Агри-Даг. – Пути в Турцию

Я приехал около 1 мая в г. Эривань, где находился начальник отряда и весь его штаб, поступил в состав отряда и вскоре получил предписание отправиться на правую сторону Аракса для осмотра дорог в Сурмалинском участке, бродов на Араксе и мест, где можно бы расположить отряд на время летних жарких месяцев. С этих пор я делался очевидцем и отчасти действующим лицом в военных происшествиях за Араксом. В описаниях моих будут иногда встречаться подробности, относившиеся только до меня и не имевшие влияния на ход военных действий, но я считаю полезным не исключать их, потому что они могут объяснять театр войны, жителей, с которыми мы должны иметь сношения, и, наконец, дух войск наших и турецких. Иногда мелкие происшествия могут разъяснять истинное положение вещей лучше, чем официальные описания. Я не буду упускать даже местных мнений и частных предположений: они могут служить материалом для общего и более точного определения какого-либо события смотрящим на него с другого, более удобного положения. Точное и правдивое описание очевидцами событий самого мелкого театра войны может быть полезно так же, как описание больших действий. На войне, как и везде, не все бывает так, как описывается в донесениях, и даже как понимается первоначально самими руководителями и участниками происшествий.

6 мая я приехал на левый берег Аракса к месту переправы, где стояли лагерем два батальона Ширванского полка с двумя орудиями, прибывшие за два или три дня из монастыря Эчмиадзина. В Эчмиадзине зимняя стоянка для этих войск оказалась не совсем удобной; между нижними чинами была довольно сильная болезненность, прекратившаяся с выводом солдат в лагерь. Хотя было только начало мая, но жара стояла днем сильная, около полудня термометр показывал +30°Р; ночи были еще прохладны. Лагерь имел оживленный вид, против самого фронта происходила переправа чрез Аракс, толпы солдат, офицеров и жителей стояли на берегу; перевозчики, мусульмане прибрежных селений, приготавливали к переправе лошадей, бегали и суетились, раздетые догола. На самом берегу были устроены солдатские кухни, огонь дымился, котлы кипели. Тут же были разбиты постоянно окруженные кучей народа палатки батальонных маркитантов, в которых продавались говядина, водка, хлеб, виноградные вина, табак, карты, даже духи, помада и проч. Маркитанты эти нанимаются войсками, продают вещи по ценам, назначенным контрактом, и постоянно находятся при батальонах, на квартирах и в походах, в Кавказских горах и в Турции, где часто трудно найти предметы первой потребности, они необходимы. Они всегда из армян и грузин, и как туземцы, легко находят в крае жизненные припасы, которые жители иногда неохотно продают войскам даже за чистые деньги.

Вода в Араксе начинает прибывать с весенним таянием снегов в горах, обыкновенно в марте месяце, в апреле и начале мая бывает самый сильный разлив, величина которого зависит от количества снега, выпавшего в горах зимой, от постепенности и медленности, или быстроты его таяния, и особенно от весенних дождей, которые, сгоняя снег, способствуют быстрой прибыти воды. Разлив в этом году был велик; вода наполнила все логовище реки по самые края берегов, прорытых в плоской равнине, мутные глинистые волны стремились с страшною быстротою. Ширина реки во время разлива бывает, местами, от 100 сажень до одной версты. Обыкновенно убыль воды начинается в первых числах мая. Сначала открывается брод в 5 верстах выше Амарата между д. д. Ахмаметом и Агавером, лежащими на правом, и с. Джамфида на левом берегах; потом во второй половине мая у самого с. Амарата, и в июне выше Амарата, один между д. д. Араб-Керлю и Кара-Кала́ и другой у д. Шаварута. С постепенной убылью воды выказываются во многих местах отмели; река разделяется на многие рукава, потом некоторые рукава пересыхают, широкое дно русла, усеянное глыбами, показывается почти все наружу; летом, начиная с августа, осенью и зимой Аракс бежит тихо между обмелевшими неровностями дна узкой полосой от 5 до 10 сажень ширины, или несколькими рукавами, которые еще

уже, и делается почти везде проходим вброд. Обмелению Аракса летом и осенью способствует также множество канав, отведенных в обе стороны для орошения полей на равнине.

Для переправы у Амарата выбрали самое узкое место, где река имела около 100 сажень ширины. Паром не был готов, или его берегли для крайней надобности, потому что единственный годный канат был стар и тонок и частое употребление могло вовсе испортить его. Людей перевозили на лодке, ходившей по веревке, перетянутой с одного берега на другой. Я с людьми и вещами переехал на ней, лодка перелетела как стрела. Лошадей и других животных переправляли вплавь. Обыкновенно один перевозчик, совершенно нагой, брал двух лошадей, спускался с ними в удобном месте в воду, подкладывая себе под грудь два связанные надутые бурдюка, т. е. кожи, снятые целиком с какого-нибудь животного, барана, козла или теленка, и пускался вплавь, держа лошадей ниже себя по течению, в поводу, для того чтобы они не возвратились опять на тот берег, с которого отправляются. Вода уносит далеко; сначала виднеются только головы плывущих, потом они скрываются за волнами, и их видишь наконец, когда они в одной или двух верстах становятся на твердое дно у противоположного берега. Лошади поднимаются из воды, останавливаются и отдыхают некоторое время, потом выходят на берег, отряхиваются и, утомленные, опустив голову, стоят неподвижно. Случаи утопления лошадей очень редки; при мне переправилось несколько десятков, и все счастливо.

В Амарате, кроме 5-го батальона Мингрельского егерского полка, был расположен штаб Донского казачьего № 23 полка. Здесь я нашел командира его, полковника Хрещатицкого, командовавшего временно войсками, расположенными на правой стороне Аракса, и условился с ним в поездках для осмотра местности, бродов, дорог, границы с Турцией и, если дозvoлят обстоятельства, для рекогносцировки неприятеля. Я не имел поручения рекогносцировать неприятеля, но при поездках к границе мог представиться случай встречи с ним, а мне очень хотелось хотя взглянуть на турок, которых при оборонительном и наблюдательном положении нашего отряда я мог не увидеть целый год, если бы они сами не заблагорассудили прийти к нам.

В это время здесь была уже весна в полном цвете. Погода стояла превосходная. Армянские и татарские деревни утопали в зелени фруктовых деревьев, яблонь, груш, вишневых, тутовых и дикого финика. Благоухание последнего так сильно, что запах его чувствуется за версту и более не доезжая деревни. Жители оставались только в Амарате, населенном армянами, и в других деревнях, близ которых стояли наши войска. Но поля были все засеяны, и на них виднелись люди, которые днем выезжали на работу, даже вдаль от Аракса, а на ночь возвращались в деревни, занятые войсками. Хотя земля низменной долины Аракса очень плодородна и жители должны бы быть зажиточны, но край имеет бедный вид. Дома грязны, низкие стены слеплены из сплошной массы глины и покрыты плоской крышей, на которой положен также слой глины; полов и стекол в оконных отверстиях нет. Эта долина Аракса была центром Большой Армении, древнего Армянского царства, и первая столица его, Армавир, от которой не осталось никаких следов, находилась на левой стороне Аракса недалеко от места настоящего Амарата. От времен язычества и эпохи могущества Армянского царства не осталось даже развалин, и единственные остатки самостоятельной Армении – это христианские церкви не старше IV века по Р.Х.

Брод у дер. Агавера, Ахмамета и Джамфида уже открылся, и мы осмотрели его и проехали им 8 мая. Аракс разливается здесь почти на версту шириною. Во многих местах из воды поднялись уже островками обмелевшие неровности дна, почти на всем протяжении брод был довольно мелок, и только в трех главных рукавах вода имела около 6 четвертей глубины. Дно брода везде твердое, усеянное гольшами. Повозки могли уже переправляться. По показанию жителей, вода будет спадать с каждым днем всё более и более, но если выпадет сильный дождь, то опять увеличится и брод может закрыться. Переправа вообще была хотя возможна, но ненадежна, брод слишком длинен, прихотливые многочисленные извилины его были знакомы только местным жителям, и те нескоро отыскивали настоящий путь, прежде пробовали

и часто возвращались назад. По сторонам брода река была еще глубока, и при малейшем ложном направлении повозки могли опрокинуться. Время разлива реки было самое удобное для наступательных действий турок, если бы они были предприимчивы и способны действовать наступательно. Они захватили бы на правой стороне Аракса расположенные здесь наши три батальона, совершенно отделенные от двух батальонов Ширванского пехотного полка. Я не полагаю, чтобы опасность была велика и для трех наших батальонов: может быть, даже они были бы принуждены разбить турок, если бы турки теснили их слишком неосторожно, но это зависело от обстоятельств и от образа наших действий.

Начальство Эриванского отряда имело в виду, что, вероятно, отряд останется все лето и всю кампанию в оборонительном и наблюдательном положении в наших пределах собственно для защиты Эриванского уезда, и в таком положении главный местный и очень важный вопрос, который надо было решить заблаговременно и разъяснение которого составляло главную цель моей поездки за Аракс, заключался в отыскании места, где можно было поставить отряд на время самых сильных летних жаров, бывающих в июле, августе и сентябре, так как, по общему мнению людей, знакомых с краем и его климатом, и самих туземцев, войска в эти месяцы положительно не могли оставаться на равнине Аракса. Эта равнина, лежащая между хребтами, с севера Алла-Гёзом и его отраслями, и с юга Агри-Дагом, совершенно плоская и имеет поперек, т. е. по направлению нашего пути действия с севера на юг, от Эривани до Орговского поста, около 60 верст ширины; посередине ее и параллельно ограничивающим ее хребтам течет с запада на восток Аракс. Она очень плодородна. Кроме обыкновенных произрастаний, на ней возделывают рис и хлопчатую бумагу. Но так как дождей летом здесь почти не бывает, или очень редко, то поля орошаются искусственно с помощью канав, в которые вода отведена из Аракса, чему плоская местность представляет удобства. На рисовые поля вода напускается в большом количестве и оставляется на них до тех пор, пока высохнет, что делает их почти постоянно похожими на гниущее болото. Вместе с тем жара здесь чрезвычайно сильна и достигает до $+45^{\circ}$, даже, как говорят, до 50°P , камни накаляются летом до такой степени, что если кавалерия остановится на некоторое время на каменистой местности, то скоро чувствуется запах от горящих копыт. Такая жара в соединении с вредными испарениями гниющих полей, в особенности рисовых, производит сильные, смертельные лихорадки, которым подвержены не только люди, но и все животные, — и для избежания их местные жители каждое лето уходят с своими стадами на временную кочевку в горы, в Алла-Гёз или Агри-Даг, где прохладнее; в селениях обыкновенно остается несколько стариков собственно для орошения полей, или они сходят на равнину, когда настает время и очередь пустить воду на поля из канавы. Жители Эривани, в особенности все служащие там русские и все управления, переходят также на летнее время в Алла-Гёз, в урочище Дарачичаг, в котором для этого устроены нарочно летние помещения. Влияние климата особенно вредно для вновь прибывающих сюда жителей севера. К неудобствам его на равнине Аракса присоединяются еще скорпионы, фаланги и другие ядовитые насекомые, комары и особый род мелких, почти неприметных для глаза, мошек, которые не дают спать ни днем ни ночью и от укушения которых все тело покрывается язвами. Войска должны были непременно последовать примеру жителей, и на время летних жаров стать в горы; в противном случае все предсказывали, что на равнине Аракса отряд переболеет весь и ляжет в госпиталь. Кроме того что лихорадки бывают сами по себе смертельны, — у выздоравливающих остаются от них последствия, развивающиеся с наступлением сырого осеннего и зимнего времени в тиф; большая смертность, по твердому убеждению всех, была неизбежна. Отряд мог сделаться не только неспособным к наступательным действиям, но даже и к противодействию туркам, если бы они осенью перешли в наступление. В отряде имели полное право бояться жаров и желать принять заблаговременно против них какие-либо меры. Расположение войск в Алла-Гёзе было бы совершенное отступление, которым мы предоставляли во власть туркам весь Эриванский уезд и открывали им даже путь к Эривани; необходимость заставляла стать в

Агри-Даге, по вершине которого идет граница наша с турками, – и, следовательно, сблизиться с неприятелем; места, удобные для летней стоянки войск, надо было отыскивать только в Агри-Даге. Хребет этот безлесен и в большей части протяжения своего по границе – безводен. Знакомые с краем указывали только на одно место в нем, имеющее все удобства для расположения войск, т. е. прохладный климат, воду, топливо для варки пищи и подножный корм, а вместе с тем отсутствие скорпионов, фаланг, мошек и комаров, – это у Абаз-Гельского перевала в Турции, близ горных деревень Абаз-Гёля и Таускуна, что было совершенно справедливо; других мест, соединяющих все вышеозначенные удобства, не находилось.

Чтобы решить этот вопрос, вместе с тем сделать более понятным описание будущих поездок наших к границе и первых встреч с турками и определить лучший способ не только расположения отряда, как вещь второстепенную, но и действий его, я считаю полезным бросить прежде общий взгляд на местность, лежавшую между нами и неприятелем, театр предстоявших нам оборонительных или наступательных действий. Характер местности указывал сам возможные для нас действия.

Став у Амарата и обратясь лицом к югу, к стороне Турции, видишь перед собою, как на плане, весь театр действий Эриванского отряда. С востока на запад тянется высокий хребет Агри-Дага, отделяющий Россию от Турции. В гряде его, немного влево, т. е. к востоку, стоит громадная масса Большого Арарата, вершина которого покрыта вечным снегом, а из-за него, еще левее, выказывается конусообразная вершина Малого Арарата. Хотя от Амарата до вершин хребта от 40 до 50 верст, но громады гор кажутся близко, стесняют широкую плоскую равнину и представляют ее узкой полосой; размашистые очерки горных покатостей видны ясно, но в отдалении исчезают подробности и целые деревни. Круглые вершины и бока Агри-Дага пустынные и покрыты травой; вид издали однообразен; разительных очерков и скал нет. Отрасли, отходящие от него к северу, восточнее и западнее Амарата, постепенно понижаясь, последними террасами упираются в русло Аракса, и таким образом подошва всего хребта и его отраслей ограничивает с юга плоскую равнину, лежащую кругом Амарата полукружием, которого центр в Амарате, основание Аракс и радиус, т. е. ширина равнины от Амарата до подошвы гор, около 20 верст. От Амарата идут в Баязетский пашалык три дороги, удобные для движения артиллерии и обозов, переваливающиеся чрез хребет Агри-Дага в самых низких местах, известных под названием перевалов: Орговского, Караван-Сарайского и Абаз-Гельского: первая, левая, прямо на юг чрез с. Игдырь и Орговский пост имеет до границы 39 верст и есть самая кратчайшая до неприятеля и г. Баязета; вторая, вправо, на юго-запад, длиной около 50 верст до границы, ближайшая для движения в долину Евфрата и потом к Арзеруму, более длинная и менее удобная для движения к Баязету в виду неприятельского корпуса, стоящего на первой дороге, – и третья, длиной около 60 верст до границы, еще более вправо и на юго-запад; с этой последней дороги по переходе чрез хребет, для следования к Баязету нужно поворотить налево почти назад. Все три перевала, чрез которые идут эти дороги, видны из Амарата более углубленными седловинами между отдельными вершинами хребта и отстоят один от другого: Караван-Сарайский от Орговского на 25 и Абаз-Гельский от Караван-Сарайского на 20 верст. Между ними вдоль и поперек хребта существует много горных дорог и тропинок, но они все неудобны для движения обозов, и по ним ездят только конные или ходят пешие. Точно так же на плоской равнине Аракса движение обозов и артиллерии возможно только по этим трем главным дорогам; на них устроены мосты чрез каналы, проведенные по равнине во всех направлениях; на остальных промежуточных дорогах мостов нет и сообщение возможно только для пеших и конных. Возле третьего из вышеупомянутых главных перевалов чрез Агри-Даг, Абаз-Гельского, находится в наших пределах самое удобное место для стоянки войск у д. Абаз-Гёля и Таускуна.

Из этого очерка местности видно, что таускунская позиция, удобная по климату и в хозяйственном отношении, была неудобна в военном. Основанием действий неприятеля был

г. Баязет, где находились продовольственные, артиллерийские и другие его запасы, госпиталь и укрепленный замок. Опираясь на этот город, турецкий корпус стоял между ним и Орговским перевалом, на прямой и кратчайшей дороге и пути своих действий от Баязета чрез Амарат к Эривани, – известно было, что главные силы его расположены в самом Баязете и в ближайших к Орговскому перевалу селениях, а против Караван-сарайского и Абаз-Гёльского перевалов стояли только небольшие наблюдательные отряды башибузуков от 200 до 300 человек каждый. Точно так же и для нас орговская дорога была главным прямым и кратчайшим путем действий. В Эривани находились наши запасы и госпиталь, а переправа чрез Аракс была на этой дороге у Амарата. Расположившись у Абаз-Гёльского и даже у Караван-сарайского перевалов, мы находились бы в 30 или 50 верстах от неприятеля и в стороне от кратчайшего пути его действий, открывали бы ему всю Эриванскую губернию, или по крайней мере ее главнейшую, более населенную и плодородную часть и даже прямую дорогу на Эривань, а сами заперлись бы в горах, где сообщений вдоль хребта нет, и не знали бы даже, что делается у Амарата! Такое расположение могло бы внушить самому непредприимчивому неприятелю желание попробовать действовать на наши сообщения и пограбить оставленный нами край – хотя набегами одной кавалерии. Турки успели бы дойти до Амарата, разорить селения и нашу переправу, перехватить наши транспорты, разбить их прикрытие и уйти, прежде чем мы узнали бы об этом, и тем более, чем успели бы на выручку края. Одно появление турок на границе вдали от нас, одни слухи о наступлении их, часто бывающие ложными, подвергали бы отряд у Абаз-Гёля беспрепятственным тревогам, а иногда напрасным движениям. Войска часто спускались бы на равнину Аракса для противодействия неприятелю, и не спаслись бы от вредного влияния ее климата. При оборонительном положении и необходимости стать летом на возвышенных местах, самое лучшее расположение казалось бы на орговской дороге, прямо против неприятеля, у Орговского поста или несколько выше его; но здесь нет топлива, мало подножного корма, место это мало возвышенно, немногим разнится по климату от равнины Аракса и источник воды, находящийся у самого Орговского поста, в августе и сентябре почти пересыхает. Во всяком случае, по какой бы дороге отряд ни расположился в горах в совокупности, не раздробляясь, он открывал Эриванскую губернию вторжению неприятеля чрез другие перевалы и по другим дорогам. Для большего прикрытия можно было разделить отряд и поставить его по частям на всех трех дорогах, но и это не помешало бы неприятелю прорываться по горным тропинкам и грабить селения в тылу у нас, и, главное, подвергало нас разбитию по частям; и этот способ защиты был бы самым худшим. Честь была дороже армянских и татарских селений; гоняясь за ничтожными отдаленными мелочами, мы упустили бы и их и собственную безопасность.

Следовательно, единственно возможное и удобное расположение отряда в военном отношении, собственно и непременно в оборонительном положении, – было на равнине кругом Амарата, более или менее сосредоточенно. Здесь есть вода, топливо, и хотя нет дарового подножного корма, но войска могли покупать траву, которую жители сеют в поле. Отсюда мы могли встретить неприятеля, по какой бы дороге он ни пошел, даже отрезать ему путь отступления, если бы он спустился до самого Аракса; существенно охраняя самую плодородную часть правой стороны Аракса, Сурмалинский участок, и всю долину этой реки, лежащую по левой ее стороне за нами, мы владели бы переправой, и уже самым расположением прикрывали сообщения свои с Эриванью. Но и это расположение имело некоторые менее важные неудобства, даже до наступления жаров, собственно в буквальном смысле, защиты наших границ от неприятеля. Все горное пространство в наших пределах на 20 верст от границы было брошено нами еще с осени 1853 года и, можно сказать, принадлежало туркам, которые безнаказанно владели нашей землей, что, без сомнения, в глазах здешнего населения не делало нам чести и показывало нашу слабость. В горах находилось несколько небольших деревень, населенных мусульманами, которые не бросали своих жилищ и оставались в дружелюбных отношениях к неприятелю. Башибузуки квартировали у них спокойно, пользовались пищей и фуражом, и было слышно,

что жители этих деревень возили даже пшеницу и ячмень как подать или на продажу войскам Баязетского корпуса. Башибузуков можно было прогнать набегами или сильными разъездами одной кавалерии, но и разъезды были неудобны и даже опасны. Южные покатоги Агри-Дага в Турции гораздо короче, чем северные в Эриванской губернии, оттого что дно баязетской долины гораздо выше, чем дно или плоскость равнины Аракса. Первые ручьи и на них селения находятся в Турции на плоскости Баязетского санджака в расстоянии 5 верст от хребта гор и от нашей границы, и в этих-то селениях – Карабулахе, Арзапе, Куруне и Мусуне – квартировали передовые части неприятельских войск. Туркам было близко до наших пределов. Они делали к нам вторжение, не утомленные большим переходом, могли смелее посещать наши пограничные деревни и даже жить в них. Напротив, со стороны Эриванской губернии, первая вода у подошвы гор, и на ней селения, занятые нашими передовыми частями войск, находятся в 25 верстах от границы и даже более, именно по орговской дороге, с. Игдырь и по караван-сарайской дороге д. Кюллюк, где проходят самые дальние каналы, отведенные от Аракса; в этих селениях стояли наши передовые сотни казаков. Чтобы дойти до границы, казаки должны были сделать переход в 25 верст, постоянно подымаясь в гору и подвергаясь опасности встретить свежего неприятеля и быть им атакованными. Поэтому-то казачьи разъезды почти не ходили до границы, и вообще для всего отряда или части его движение в горы представляло то же неудобство. Положение это могло быть принято как существующий уже факт, а при некоторой предприимчивости отстранено наступательными действиями в наших пределах, не переходя границу; но дурного климата равнины Аракса нельзя было избежать ничем, и мы могли опасаться, что если нас не побьют турки, то мы сами перемрем наполовину – обыкновенный результат и почти наказание робких военных действий.

Одним словом, оставаясь в оборонительном положении, где бы мы ни стали и что бы ни делали, мы везде встречали большие неудобства. Положение отряда было затруднительно. Что же оставалось делать?.. Выход был один: перейти в наступательные действия и постараться разбить турок. Весь вопрос заключался в том, может ли наш отряд, состоящий из 3600 ч., вступить в бой с турецким корпусом, силы которого простираются до 10 тысяч, а с иррегулярными войсками может быть даже до 20 тысяч и более, и логически надеяться одержать над ним победу. Числа давали перевес неприятелю, но народное самолюбие и все примеры прошедших войн с турками говорили, что мы можем разбить его. Оборонительное положение как-то стесняло, почти стыдило нас; могу сказать, что это чувство было общее в каждом солдате, во всех не понимавших причин и соображений высшего начальства. Это чувство может быть ошибочно, но оно есть, и дай бог, чтобы не оказывалось ошибочным по неумению им пользоваться. И действительно, по-видимому, не было никаких причин, чтобы не попробовать счастья в наступательных действиях. Худшее, что могло с нами случиться при неудаче, это то, что мы отступили бы в порядке и стали бы опять на настоящих местах. В случае удачи, если бы даже из Эриванского отряда не извлекли никакой пользы для дальнейших успехов войны, мы стали бы лагерем в Баязетском санджаке (уезде), где местность возвышеннее, климат прохладнее и здоровее, чем в Эриванской губернии. Для нас цель войны состояла пока в хорошей стоянке. Сами обстоятельства и крайняя надобность указывали нам лучший способ действий и заставляли действовать наступательно. Кругом Александрополя местность также значительно возвышеннее, чем на равнине Амарата; Александропольский отряд находился в гораздо выгоднейших климатических условиях, чем Эриванский, и мог с меньшей опасностью для своего здоровья оставаться все лето на одном месте. Наконец, наступление в Баязетский санджак было полезно даже для того только, чтобы узнать, есть ли против нас какой-нибудь неприятель. Оборонительное положение во что бы то ни стало могло оказаться со временем совершенно нелепым. При затруднении иметь нам хороших лазутчиков и при искусных распоряжениях турецкого начальства, умеющего вообще хорошо распространять ложные слухи, мы могли простоять все лето в 30 верстах от границы в убеждении, что Баязетский корпус

состоит из 30 тысяч, а в нем в самом деле могли быть только одни башибузуки и один или два батальона пехоты. На войне надо стараться осязать положение дел своими руками.

Поэтому, донося о произведенном мною осмотре местности и о невыгодах расположения в наших пределах, и почерпая в самом войске желание и идею действий, я решился высказать мнение, что единственное средство защитить Эриванскую губернию и спасти отряд от губительного влияния климата – это перейти в наступление с целью разбить Баязетский корпус. При несоразмерности сил наших и неприятельских и при существовавшем положении дел с конца 1853 года я опасался, что это мнение покажется опрометчивым и хвастливым, но последствия показали, что такие действия были неизбежны и возможны.

Вечером 10 мая я отправился с полковником Хрещатицким в с. Игдырь, чтобы 11-го числа сделать осмотр орговской дороги и перевала по ней в Турцию. Полковник Хрещатицкий, командовавший войсками на правой стороне Аракса, должен был оставаться вообще в оборонительном положении, не имея права переходить границы и завязывать дела с неприятелем. Мы должны были ограничиться одним осмотром. С. Игдырь было разорено турками в 1853 году и брошено жителями. Все дерево из домов было вывезено неприятелем на топливо во время стоянки его в октябре и ноябре 1853 года у Орговского поста, стены стояли без крыш и дверей. Теперь в нем находились две сотни казаков, наблюдавших за орговской дорогой и выставлявших передовой пост у разоренных Аргаджинского или Мучинского постов в 3 верстах от Игдыря, и несколько человек армян, орошавших поля и ночевавших возле казаков, так же как и они, в постоянной осторожности и ожидании неприятеля. Здесь виделось уже присутствие неприятеля, хотя до него оставалось еще более 30 верст. Мы выступили из Игдыря 11 мая в 2 часа пополудни с 1½ сотни казаков и несколькими охотниками из курдов и других жителей. Это была первая попытка к границе, обозначавшая некоторое намерение. Несколько армян, находившихся в Игдыре, не спали и следили за нашим выступлением; когда мы проезжали мимо их, они провожали нас желанием успеха, произносимым шепотом. Ночь была безлунная и облачная, в двух шагах ничего не было видно. Дорога около 6 верст идет по равнине, потом подымается в гору по отлогой покатости до Орговского поста, довольно большого четырехугольного каменного здания, устроенного для обороны; белые стены его неясно выступали из темноты, когда мы проезжали мимо. Отсюда дорога начинает подыматься в гору по более крутой покатости. Мы шли скоро и делали по 6 или 7 верст в час. С рассветом, не встретив и не заметив нигде неприятеля, мы прибыли на гребень хребта, и я увидел в первый раз турецкую землю. У ног наших лежала глубокая и широкая долина Баязетского санджака, ограниченная с юга высокими красноватыми и синеватыми уступами Алла-Дага, на полускате которых лежит г. Баязет. На дне долины, между нами и городом, сверкала окруженная зеленеющими лугами зеркальная поверхность озера, и в разных местах серебрились тонкими нитями ручьи и речки; правее озера, со дна зеленой долины, подымалась гряда скал сурового дикого вида с отвесными боками и зубчатой, как пила, вершиной. Влево от нас стояла заоблачная масса Ара-рата, спускавшаяся крутыми уступами и резко обозначенным подножием в глубину долины. Баязет можно было рассмотреть довольно ясно в зрительную трубку. Кварталы его разбросаны между оврагами, лежащие над ним высоты опоясывают его с восточной и несколько с южной стороны скалистым уступом, к которому прилеплены здания укрепленного замка; значительные крутизны лежат между нижними домами и плоскостью равнины. Весь город имеет издали вид гнезда ласточки, прилепленного к полускату горы. Посередине города возвышается масса другого, главного, замка, над которым стоит тонкая башня минарета. Картина, освещенная первыми лучами восходящего солнца, была великолепна. Она казалась тем лучше, что была чужая, вражеская собственность, которою мы имели право завладеть, но теперь могли только смотреть на нее и любоваться издали. Такие зрелища должны возбуждать жажду завоеваний.

В то же время внимание наше было привлечено неприятельским постом из 15 башибузуков, стоявших на покатостях гор, внизу под нами и в 1½ версты от границы. Лошади их

спокойно паслись и разошлись в разные стороны. Заметив нас, башибузуки встревожились, бросились к лошадям, вскочили в седла и построились в одну линию фронтом к нам. Двое, производя сигнальные выстрелы, поскакали к Карабулаху, куртинскому зимовнику, находившемуся у подошвы гор на равнине, в 5 верстах от границы; остальные тотчас начали джигитовать. Они поодиночке во весь карьер выезжали из фронта, некоторые из них – это были курды – подымали в правой руке копьё, держа его в горизонтальном положении, неслись будто в атаку, делали выстрел, быстро поворачивали назад и въезжали в линию, где заряжали оружие. Несколько человек казаков и бывших с ними курдов и армян, служивших в Донском № 23 полку, не вытерпели и поскакали за башибузуками, которые немедленно стали быстро отступать, производя беспрестанно выстрелы более как сигналы, потому что между ними и преследовавшими их казаками оставалось постоянно большое расстояние. Но наших остановили; башибузуки остановились также и между башибузуками и нашими армянами и курдами, выезжавшими вперед, завязалась перебранка, прерываемая выстрелами.

– Зачем вы, собаки, приехали сюда? – кричал во все горло башибузук.

– Чтобы посмотреть на вас, ослиное стадо! – отвечал, также крича изо всей мочи, наш армянин или курд.

– Убирайтесь вон! Ваша земля за Араксом, а до Аракса наша! – кричал башибузук. – Мы прогнали вас, собачьи дети; зачем вы опять лезете?

– Ты хвастаешь как баба! – отвечали наши.

– Дети срама! (Гарам-зада). Разве мы не натешились вашими женами!

– Скажите вашим, чтобы они ждали нас! Да велите им вымыться!

– Курды! – кричал турецкий курд нашим курдам. – Вы служите гяурам, христианам, Москову! (Турки называют русских Московом.) Вы изменяете пророку!

– А вы, дураки, служите французам и англичанам! – отвечал наш курд. – Вы нанялись им в конюхи и работники!

Ругаться в передовой цепи, говорят, всеобщий обычай в Азии; азиатцы изобретательны в оскорблениях и стараются задеть противника за самую чувствительную струну. Раздраженные взаимными оскорблениями, ругающиеся скакали друг к другу, но не съезжались близко, делали друг друга выстрел и разъезжались.

Пока происходила эта перебранка, мы сделали привал, отдохнули, позавтракали и накормили лошадей. О появлении нашем скоро узнали в Карабулахе, где стояло около 300 или 400 башибузуков. Мы видели в зрительную трубку, как там суетились, собирались, потом выступали и шли медленно в гору к нашей стороне отдельными толпами от 20 до 50 человек. Их собралось наконец всего около 300 человек, и они остановились перед нами в расстоянии около одной версты. Они, видимо, не желали завязывать дела, вероятно, опасаясь, что нас более чем сколько стояло на перевале, а может быть, поджидали подкреплений, и только наблюдали за нами. Из Карабулаха не выезжало более всадников, вся передовая часть турецкой кавалерии находилась перед нами. Лошади наши отдохнули, и мы отправились обратно. Когда мы подъезжали уже к Орговскому посту, то увидели турок, выехавших на хребет, который мы оставили; на нашу сторону они не спускались. В полдень мы возвратились в Игдырь.

Орговская дорога вообще удобна для движения всех родов войск. Покатость от подошвы гор до поста очень камениста, но отлога; дорогу легко очистить, сбросив камни в сторону, что и было впоследствии нами сделано. От Орговского поста до границы дорога проходит широким ущельем, высокие бока которого везде удобовосходимы и покрыты черноземом и хорошей травой; скал нигде нет. Подъем крут и труден, в особенности на последних 6 верстах, подходя к перевалу. Деревень на дороге нет, край пустынен и безлесен. Весь хребет Агри-Дага имеет такой же характер; нижняя часть покатоствей, подошва, камениста, верхняя и самые закругленные вершины – черноземны, удобны даже для хлебопашества и покрыты лугами, куда курды, татары и армяне выгоняют летом свои стада. Ключ не изобильной, но хорошей воды бежит в

овраге близ Орговского поста. В ущелье на самом перевале, правее дороги, находится небольшое озеро, покрытое камышом и пересыхающее в последние жаркие летние месяцы; вода его годна для водопоя, а в случае надобности и для людей. В день сражения 17 июля это небольшое озеро было для нас очень полезно. Во время нашей поездки травы были уже достаточны для подножного корма, но 1854 год был, по общему показанию, сравнительно прохладен; весна началась поздно, в обыкновенные годы подножный корм является здесь в апреле. В долинах Баязетского санджака травы были еще лучше, чем в горах, и показываются вообще ранее; следовательно, для наступательных действий не встретилось бы препятствий от недостатка подножного корма.

III. Первая встреча и перестрелка с турками в 1854 году

Для осмотра Караван-сарайской и Абаз-Гёльской дорог мы выступили 22 мая в 2 часа пополудни из д. Кюллюк по первой из этих дорог с двумя сотнями казаков, сотней беков и 20 человеками охотниками из курдов Эриванской губернии. Караван-сарайский перевал ниже Орговского и гораздо ниже Абаз-Гёльского; подъем к нему длиннее и потому значительно отложе и удобнее Орговского; дорога ровнее и легче. Хотя встречаются обратные спуски и подъемы, но они невелики и незатруднительны. Характер местности такой же, как и на первой осмотренной нами дороге; на отлогой подошве гор на протяжении около 5 верст голый мелкий камень, а потом до самых вершин и на вершинах хорошие пастбищные места. Но невыгода Караван-сарайской дороги заключается в том, что на ней нет воды на протяжении 26 верст от д. Кюллюка до самого перевала; в настоящее время у перевала едва приметная струя воды сочилась из земли между травой, но летом, в июле, она пересыхает, и тогда воды нет на всем пути чрез хребет на протяжении 30 верст до с. Мусуна, находящегося в Турции у южной подошвы гор, — обстоятельство, чрезвычайно важное в здешнем жарком климате.

На рассвете мы прибыли к Караван-сарая, большому четырехугольному зданию, тщательно сделанному из темного камня, с наружными резными украшениями. Постройка его должна быть очень древняя; стены сохранились, но почти все своды внутреннего двора и комнаты, лестницы, камины и проч. обвалились; остались целы две или три комнаты, которые и теперь служат зимой убежищем для проезжающих, застигнутых вьюгами. Прежде у этого Караван-сарая проходила вода, проведенная чрез горный перевал из озера Балых-Гёля, находящегося в пределах Турции на значительной высоте, между южными отраслями Агри-Дага, против Абаз-Гёльского перевала. И теперь видны еще остатки глубокой и широкой канавы, которая выется по бокам гор, сначала в Турции по южной стороне, и потом от Караван-сарайского перевала по северной. В некоторых местах ложе канавы прерывается широкими лощинами и оврагами; по виду местности надо полагать, что эти лощины существуют очень давно; через них должно было перебросить водопроводы на арках; или канава старше самого образования пересекающих ее ложбин. Это остатки работ древнего Армянского царства. Пройдя немного за Караван-сарай, мы увидели вправо, к западу, в 4 или 5 верстах от нас, за глубокой ложиной, несколько всадников, которые выехали из лежащей в той стороне небольшой татарской деревни и спешили к границе, пробираясь по горным покатосям; это были башибузуки, квартировавшие у нас и встревоженные нашим появлением. За ними послали несколько беков, но разделявший нас овраг был глубок; башибузуки успели уйти и потом в глазах наших соединились с неприятельским постом, который мы нашли за перевалом. У самого перевала, с северной его стороны, ущелье расширяется и образует просторную котловину; ее дно покрыто превосходной травой. В некоторых местах на северных покатосях окрестных гор лежал еще снег, и от таяния его образовалась небольшая струя воды, о которой я упоминал выше. С перевала нам опять открылась великолепная глубокая долина Баязетского санджака, перерезанная речками и зеленевшая лугами, на которых паслись стада. В 5 верстах у подошвы гор лежит армянское селение Мусун, окруженное ветхой глиняной стеной. В версте от нас на южной покатося стояли уже в готовности, предупредительные убежавшими из нашей татарской деревни всадниками, около 15 человек башибузуков. В Мусуне находилась передовая часть турецкой кавалерии, наблюдавшая эту дорогу.

Происшествие 11 мая повторилось. Всадники поста удалились от границы на большее расстояние, производя сигнальные выстрелы; в Мусуне мы видели в зрительную трубу беготню и тревогу; люди сутились, седлали лошадей, укладывали вещи. Прошло полчаса, пока оттуда начали выезжать отдельные толпы и спешили к нам навстречу. Мы насчитали всего до 200 человек. Они остановились в версте от нас беспорядочным строем и наблюдали за нами, про-

изводя джигитовку. Мы превосходили числом стоявшего против нас неприятеля, он не мог получить скоро подкреплений, потому что край был видим нам на значительное расстояние, и мы знали, что главные силы турок стояли между Баязетом и Карабулахом: нам предстоял превосходный случай спуститься в Турцию и погнать турок за Мусун. Если бы мы шли не останавливаясь, то могли бы застать их в этом селении почти врасплох и кое-что захватить. Но не считая себя вправе переходить в Турцию, полковник Хрещатицкий решился завлечь башибузуков в наши пределы и здесь напасть на них. Для этого, когда люди и лошади отдохнули, мы спустились с хребта назад в котловину и сотни построились в расстоянии ружейного выстрела от перевала, в совершенной готовности, ружья наголо. Не прошло 5 минут, как турки, рассчитывавшие, вероятно, на наше отступление, показались вдруг все на хребте по обеим сторонам дороги. Говор и крики раздались в их нестройной толпе; они на мгновение остановились, будто в нерешимости, потом открыли огонь, и когда полковник Хрещатицкий велел отступать, спустились за нами. Казацкая цепь была вызвана, частая перестрелка завязалась. Здесь я в первый раз увидел башибузуков в деле. Они наступали дерзко, производили непрерывный огонь. Расстояние между ними и казаками уменьшалось; наконец казаки с криком «ура» ударили в пики, но башибузуки не дождались, быстро поворотили и скрылись за перевалом. Не говоря уже о запрещении переходить границу, я полагаю, что башибузуков трудно было бы догнать на коротком расстоянии, потому что здешние лошади, преимущественно куртинской породы, чрезвычайно легки и привычны к скачке по горам. Донская лошадь хотя и способнее к большим и продолжительным переходам, но отстанет скоро от здешней лошади на горной местности. Чтобы сделать что-либо более, башибузуков надо было бы преследовать по меньшей мере до Мусуна.

Казаков отозвали и построили опять в ложине. Через несколько времени башибузуки опять показались на перевале и еще с большею дерзостью стали к нам спускаться, производя учащенный огонь. Полковник Хрещатицкий, вызвав снова цепь, приказал отступать, что еще более одушевило башибузуков, многие из них подсакивали к нашей цепи шагов на 20, делали выстрел и отъезжали. Впереди всех отличался их барабанщик, который барабанил в небольшие литавры, привязанные к седлу с обеих сторон; он, по-видимому, управлял движениями башибузуков и одушевлял их трескотней своих инструментов. Когда башибузуки спустились достаточно с перевала, казаки, по сигналу, неожиданно поворотили и с гиком ударили вторично в пики; башибузуки повернули и ускакали опять за перевал, но для передовых, бывших ближе к казакам, увлеченных скачкой и не успевших вовремя поворотить лошадей, было поздно; пять человек из них были заколоты на месте, один взят живым. Между убитыми находился барабанщик; на нем нашли, кроме литавр, небольшой серебряный топорик, вероятно, знак его должности и степени в рядах башибузуков. Лошади убитых остались в наших руках. Замечательно, что в продолжение всей довольно живой перестрелки, когда без сомнения выпустили с обеих сторон несколько тысяч пуль, у нас не было ни одного убитого; пуля попала в лоб только одному казаку, ранила его до крови, но безвредно и без всяких последствий. Это была совершенно напрасная трата пороха – одно из многих доказательств бесполезности кавалерийской стрельбы, производимой во время скачки, для нанесения действительного урона, и только полезной разве для того, чтобы познакомить между собой врагов и сделать их нестрашными друг для друга, в ожидании решительного дела и для приучения мало обстрелянных людей к свисту пуль и военным опасностям. Башибузуки остановились на южной покатости в 1½ версты от перевала и не наступали более. Мы сделали, со скачкой, до 30 верст, и нам оставалось столько же до ночлега, который предполагали сделать по осмотре Таускунской позиции. Колонна пошла назад по дороге к стороне Караван-сарая и сделала еще небольшой привал в 5 верстах от границы. Башибузуки не следили за нами.

В продолжение привала какая-то партия в 30 всадников показалась на отдаленных высотах, верстах в 5 или 6 от нас, влево от дороги, по направлению к Орговскому перевалу. Их

трудно было разглядеть, но в той стороне в горах не оставалось жителей, и надо было предполагать, что это неприятель. Для разузнания послали находившихся с нами эриванских курдов. Вероятно, замеченная нами партия приняла нас за турок; высланные к ней навстречу курды вовлекли ее еще более в заблуждение. Мы видели, как в расстоянии от нас 3 или 4 верст обе толпы сблизились и остановились; от неприятельской партии отделился один всадник и выехал вперед. Тогда наши курды бросились и окружили его. Для неприятеля дело разъяснилось; остальные рассеялись в разные стороны, преследуемые курдами. Потом мы видели дымок нескольких выстрелов; преследуемые всадники показались, убегая, на отдаленных высотах, и наконец скрылись из виду. Пленного привели к нам; оказалось, что он был атаман шайки разбойников, поселившейся в наших горах и грабившей вместе с турками жителей Эриванской губернии. Многие беки узнали его и объявили, что он русский подданный, житель Эриванской губернии, сделал несколько убийств и много грабительств еще прежде, и бежал к туркам при открытии военных действий в 1853 году. Он имел физиономию совершенно разбойничью, был кос и глядел свирепо, отрекался от улик, взводимых на него, не хотел ни на что отвечать и покорился своей участи с бесчувственным спокойствием. Здесь же мы опросили другого пленного, взятого в стычке. Он был также житель Эриванской губернии и бежал к туркам недавно. Он был очень молод и хорош собою. Полагая, что его убьют теперь же, он совершенно потерялся, трясся как в лихорадке и с трудом держался на ногах, – его колени подгибались. Его по возможности успокоили. Вот рассказ его, состоявший из ответов на наши вопросы, и рисующий в некоторой степени край и обстоятельства. Это был первый язык, добытый в Эриванском отряде.

«Зовут меня Алибкер-Гассан-Оглы, – говорил пленный. – Я житель селения Неджерин, Зангибасарского участка. От роду мне 18 лет; я секты шиитов. Назад тому два месяца житель нашего селения Мирза-Абаз-Али-Оглы был назначен в милицию, собиравшуюся к Эриванскому отряду, и получил лошадь и оружие. Вместо того, чтобы ехать к русскому войску, он решился бежать к туркам, и уговорил меня уйти вместе с ним. Он говорил, что там хорошо содержат и дают много денег. Я согласился. Мы отправились ночью, приехали в татарское селение Али-Кочак, Сурмалинского участка; от него недалеко до границы. Жили там трое суток в доме Ага-Мамеда. Он спрашивал нас: «Куда вы едете?» Мы отвечали, что едем в Турцию. Он сказал: «Хорошо делаете; поезжайте в Мусун и явитесь к Мамед-беку». Мы отправились и явились; нас приняли и записали в башибузуки. На другой день по просьбе нашей нас отпустили в д. Али-Кочак. Мы прожили здесь 15 дней; отсюда уехали опять в Турцию в д. Курун, где я заболел и пролежал с месяц. По выздоровлении меня отправили с прочими башибузуками в с. Мусун. Сегодня узнали мы, что едут русские; поехали вперед; встретились с вами, товарищи бежали, а меня взяли в плен. Слышал я, что в Карабулахе стоит 600 человек башибузуков; в Мусуне столько же; большая часть их партиями из 10 и 20 человек обыкновенно живет в горных русских деревнях, где они продовольствуются у жителей, потому что им иначе нечего было бы есть; оттого теперь выехало против вас мало, но без сомнения, после этого они соберутся. В с. Арзапе находится три тысячи пехоты при двух орудиях, близ Баязета 4 тысячи пехоты при шести орудиях и много кавалерии, но сколько – не знаю; в самом Баязете есть также пехота; вообще не отвечаю за верность этих чисел, но видел, что войска много. Говорят, из Вана идут еще три тысячи пехоты. Башибузуки содержат в горах на главных проходах в четырех местах пикеты. Турки содержат свое войско худо, у них много больных».

Впоследствии я был в Мусуне, населенном армянами, и спрашивал у жителей, что делалось у них 22 мая в то время, когда мы показались на границе и против нас выехали башибузуки. Они отвечали, что во время перестрелки остававшиеся в Мусуне башибузуки, всего до 100 человек, уложили вещи свои и товарищей и бежали в разные стороны; они воротились, кто через день, кто через два и три, когда узнали, что опасность миновала.

Все башибузуки одеты в свое собственное платье, разнообразного покроя и цвета, и вооружены кто чем мог; у всех есть сабля и кинжал, у некоторых ружья и у некоторых только пистолеты. Они не имеют никакого строя и действуют всегда враспынную. Они состоят из охотников по найму и частью из жителей, всякого рода и звания, по наряду, подобно тому, как составляется и у нас местная милиция. Между ними есть негры, аравийцы, татары, персияне, армяне и другие, жители самой Турции, Персии, России и других соседних земель. В стычке 22 мая было много негров, которые видели русских, без сомнения, в первый раз и очень бойко наступали на нас с другими башибузуками. Каждый башибузук получает от казны, или жителей, выставляющих его на год, условленную сумму денег, на которую он должен иметь коня, оружие и содержать себя пищею и фуражом. Поэтому-то между ними нет почти никакой дисциплины и они большею частью кормятся на счет жителей, добровольным подаянием или грабежом, не только в чужой земле, но и в своей. При набегах на чужую землю, как, например, в 1853 году на Эриванскую губернию, дикость привычек и чувств азиатца и нелюбовь мусульманина к христианину выражаются в башибузуках обыкновенно страшными неистовствами: они грабят жителей, убивают, если встречают сопротивление, и подвергают пыткам и истязаниям в надежде вымучить сознание о спрятанном имуществе и деньгах. Это остаток старинных грозных турецких полчищ, наполнявших страхом Азию и Европу. У народов Азии, раздробленных на многие мелкие национальности и соединенных в государства завоеванием, давно потерялась идея отечества, а у большей части никогда и не существовала, и они охотно присоединяются к всякому завоевателю или правительству, которое обещает им безопасность дома, успех и добычу в чужой земле. К башибузукам следует причислить, по роду действия и вооружению, – ополчения, составляемые из курдов. В Баязетском корпусе теперь их было мало и они находились в рядах башибузуков, известных собственно под этим именем, но впоследствии они были собраны в числе нескольких тысяч с прилежащих областей Курдистана, под начальством своих старшин или родоначальников, т. е. глав племени, – составляли особую массу и участвовали в Чингильском сражении. Турецкая пехота, низам и артиллерия продовольствуются на счет казны, и о них заботятся более, чем о регулярной кавалерии; люди получали исправно пищу, но постоянно неисправно жалованье; имели однообразную одежду и исправное вооружение; все ружья были европейских фабрик. Было уже известно из первых встреч с турками в эту войну, что у них пехота и артиллерия обучены хорошо стрельбе и строю, и штуцерами вооружено даже значительно более людей, чем у нас.

С привала мы отправились к Абаз-Гельскому перевалу, вдоль границы с нашей стороны. В этом горном крае, отдаленном от расположения войск, разъезды наши в настоящую войну не ходили еще ни разу, и партии башибузуков, как было известно, жили именно здесь в совершенной безопасности. Мы ехали узкой горной тропинкой – единственным сообщением вдоль хребта, беспрестанно спускались в глубокие овраги и подымались на значительные высоты; в некоторых местах, на подъемах и спусках, тропа проходит по высоким скалистым ступеням, так что люди должны были спешиваться, спускаться или влезать прежде сами, и потом сводить или подымать за собою в поводу лошадь. На дороге мы нашли два небольших татарских селения; жители вынесли казакам чуреки (местный хлеб, спеченный большими тонкими листами) и объявили, что квартировавшие у них башибузуки только что бежали. К вечеру мы приехали к Таускуну, небольшой татарской деревне, разоренной в прошедшем году и брошенной жителями. В 1½ версты от нее, выше, находится в широкой ложине д. Абаз-Гель, также разоренная и брошенная, и между этими-то деревнями предполагалось поставить отряд на лето. Места действительно хороши для стоянки войск. Горные покатоности и окрестные долины, лежащие между боковыми отраслями хребта, покрыты лугами; речка, на которой находятся деревни, имеет быстрое течение и изобильна чистой здоровой водой в продолжение всего лета; в покинутых деревнях было оставлено жителями много кизяку, здешнего обыкновенного топлива. Из Таускуна мы спустились по хорошей дороге, идущей отсюда в долину Аракса, к с. Гюлуджи,

отстоящему от границы около 10 верст, и остановились для ночлега в садах, окружающих это селение. Гюлуджи была населена до войны армянами, которые были ограблены в 1853 году башибузуками и ушли за Аракс, а дома их заняли татары из Абаз-Гёля и Таускуна; здесь татары эти были в большей безопасности от притеснений башибузуков, не всегда щадивших даже своих единоверцев, особенно когда дело шло о баранах, хлебе и ячмене, и когда не было поблизости армян, от которых можно бы добыть эти предметы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.